Тишина.

Пустота.

Вечность.

Слова, казалось бы, никак не связанные друг с другом, переплелись в этом мире. Казалось бы, мирный пейзаж был пуст, в нем не было жизни, и только бесконечные луга простирались под тяжелым синим небом. Здесь не было ни солнца, ни ветра, и все же трава освещалась ярчайшим светом и колыхалась от сильных бурь.

И все же даже в этом ужасно тихом и безмолвном мире существовала жизнь. Изгнанное из смертного царства существо обладало уникальным очарованием. Издалека его можно было принять за обычного человека, но бледная кожа, ядовито-зеленые глаза и черные волосы с прожилками зелени, в которых текла своя собственная жизнь, гарантировали, что он далеко не обычный смертный.

Его взгляд, некогда живой и яростный, стал спокойным и даже тусклым. Зеленые полосы в волосах, которые плясали, как адское пламя, теперь были безжизненными, ничем не отличаясь от обычных волос. Он лежал на траве и смотрел на бескрайнее небо над головой - это было все, что он мог сделать.

"У тебя дурной вкус, Яхве. Неужели нельзя было заточить меня в более скучное место, чем это?" Он произнес это вслух, так как прятать свои мысли в этом месте было слишком хлопотно и ненужно.

Люциус вздохнул в 99 856-й раз с тех пор, как в последний раз ему было чем заняться в Вечной Печати. Новые мысли почти не приходили в голову, ведь все уже было продумано, имея в своем распоряжении тысячи лет времени. Жаль только, что тратить их было не на что.

В самом начале все было не так. Начало тоже было печальным и горьким, но все же оно было на порядок выше его нынешнего положения. Первые несколько сотен лет, или, по крайней мере, то, что казалось таковым, были наполнены яростью и жаждой мести. По правде говоря, Люциусу было немного неловко копаться в этих воспоминаниях, но оно того стоило, если могло хоть немного подстегнуть его эмоции. К сожалению, и на этот раз смущения оказалось недостаточно.

После того как он метался по комнате, пытаясь выбраться из созданной специально для него печати и уничтожить этот мир, и в конце концов потерпел неудачу, он успокоился. Последующие годы прошли довольно спокойно.

Когда его разум очистился, в нем пронеслось бесчисленное множество мыслей. Мир был голым, в нем ничего не было, но его это не волновало. Хотя в печати находился только его разум, а настоящее тело было снаружи, в реальном мире, и никак не реагировало, он все равно мог стимулировать и призывать свои силы, даже если они не обладали реальной силой и не могли оставить даже царапины на земле.

Прошло достаточно времени, и он даже научился колдовать над различными предметами. Они тоже не обладали реальной силой и в лучшем случае были лишь иллюзиями, но все же это давало ему возможность работать.

Он добился колоссальных успехов в магии, изучив все известные ему школы магии и даже попытавшись создать что-то новое, объединив другие школы магии в свой величественный опус

- "Магию измерений".

Последняя была его гордостью и радостью. В ней сочетались базовая магия телепортации, гравитационная магия, а также его собственная магия, которую он не видел, чтобы кто-то использовал раньше. В отличие от магии телепортации, пространственная магия манипулировала самим пространством, и поэтому было мало того, чего она не могла достичь. Конечно, пребывание в пространстве, где он не мог активно использовать ее, ограничивало его знания о ней, а также теоретически огромное количество энергии, необходимое для ее питания, несколько омрачало его настроение, хотя и ненамного.

Кроме того, за созданием этой магии стояла определенная цель - выбраться из своей прославленной тюрьмы. Хотя Люциус был уверен, что Яхве изначально планировал, чтобы он мог использовать в печати только свой разум, часть энергии из его тела все же смогла просочиться внутрь, вселяя в него уверенность, что, возможно, когда-нибудь он сможет покинуть это место. Даже если на это уйдет целая вечность.

Но пока энергии не хватало, чтобы попытаться вырваться, и он отложил этот план на будущее.

Помимо изучения магии и совершенствования знаний по Тоуки и Сендзюцу, он продолжал практиковаться в бою. Благодаря способности колдовать предметы, которые он уже видел в своей жизни, он мог практиковать свое мастерство фехтования в высшей степени совершенным, ограничиваясь лишь тем, что ему не на ком было применять эти техники. Колдовать предметы было в его силах, но живые существа были далеко за пределами его нынешних возможностей.

И все же, имея в своем распоряжении тысячи лет, он вскоре пришел к тому, что ему действительно стало нечего делать. Он исчерпал все свои идеи, все планы, накопленные ранее, и изучил все в меру своих возможностей. Без влияния извне, без новых идей ему действительно некуда было двигаться дальше.

Он, конечно, продолжал практиковать свои способности, но вскоре, увидев, что не добился никакого прогресса, покончил и с этим. Что, спустя несколько сотен лет или, по крайней мере, по ощущениям, привело его к нынешней ситуации.

"Что бы я сделал, чтобы выйти на улицу... О, Яхве, я бы даже отдал тебе свою душу..." Отчаяние было опасной вещью. Люциус знал это, но его воля уже была покорена, и последствия его больше не волновали. "Воистину, ты лучше всех умеешь ломать волю людей..."

Как раз в тот момент, когда он раздумывал, не отправиться ли ему на небольшую прогулку, он увидел, что небо изменилось. Его глаза тут же расширились, и в следующее мгновение он уже стоял на двух ногах, наблюдая за странным изменением в небе.

Через секунду он взлетел вверх, пытаясь рассмотреть его поближе. Обычно это не приносило никаких изменений, поскольку пространство было зачаровано так, что у него никогда не было конечной точки, и он никогда не приблизился бы к концу барьера. Однако сегодня ситуация была иной.

В небе появилась трещина. Она была маленькой, едва заметной, может быть, размером с мизинец. И все же эта маленькая дырочка произвела огромные перемены. Внутри Люциуса появилось нечто такое, чего он никогда не думал, что когда-нибудь почувствует снова. Сердце заколотилось с еще большей силой, в нем вновь вспыхнуло забытое, но до странности знакомое чувство. Это была надежда.

"Это что, уловка? Ты снова пытаешься обмануть меня, Яхве?!" Его волосы взметнулись вверх, демонстрируя всему миру его гнев, но искра надежды все же смогла пробиться в его голос.

Но даже после того, как его слова эхом разнеслись по бескрайним лугам, ответа не последовало. Так было тысячи лет, почему же теперь ситуация вдруг изменится?

Но эта трещина в небе свидетельствовала о том, что что-то изменилось. Он еще не знал, что именно, но был полон решимости это выяснить. Он почувствовал это. Пусть очень слабо и едва заметно, но он, изголодавшийся по энергии, ощущал магию, проникающую сквозь трещину. Это означало, что внешний мир больше не находится за пределами его досягаемости.

Даже если это была очередная уловка и он попадет в ловушку, ему было уже все равно. Он готов рискнуть всем, даже если вероятность этого ничтожно мала. Отчаяние завладело его разумом, и он уже собирал все свои сбереженные силы, чтобы попытать счастья. Это была глупая попытка, но, тем не менее, он был готов ее предпринять.

Две зеленые руны засветились на тыльной стороне его рук, придавая силу магии, которую он собирался сотворить. Это было заклинание измерения, которое он изменил на месте, чтобы оно соответствовало своей цели: оно должно было расширить трещину и позволить всему его телу пройти сквозь нее.

Прошла секунда, и заклинание наконец было произнесено, и оно сработало, как и предполагалось. Только толку от него было больше, чем он ожидал, и трещина вернулась к своему обычному размеру всего через несколько секунд. Для Люциуса же одной секунды было более чем достаточно, чтобы пройти сквозь нее и окончательно исчезнуть из этого места, оставив позади себя огромные и теперь уже по-настоящему пустые луга.

Наконец-то в этом одиноком мире вновь воцарилась тишина.

http://tl.rulate.ru/book/102672/3602964